

УДК 811.161.3'373.45

**МОДИФИКАЦИИ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА
В АССИМИЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ)**

И.А. ЛАПИЦКАЯ*(Минский государственный лингвистический университет)*

Проводится исследование просодической ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке. Установлено, что основными направлениями ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке на просодическом уровне являются количественные и качественные изменения слоговой структуры, изменение типа слогов (открытие и закрытие слогов), а также смещение словесного ударения в заимствованных словах. Данные процессы проявляют себя комплексно и взаимодействуют с сегментным и морфологическим уровнем. Выявлена взаимосвязь между механизмами просодической ассимиляции и рядом лингвистических факторов: акцентологическими тенденциями, ритмическими особенностями сопоставляемых языков, словообразовательными процессами, а также спецификой структуры слога и морфемной структурой слова (длиной слова в слогах, количеством корней и морфем в слове, морфологической прозрачностью). Делается вывод о том, что минимальной ассимиляции подвержены заимствованные лексемы, отличающиеся наименее сложной просодической организацией.

Ключевые слова: ассимиляция, заимствование, акцентно-ритмическая модель, слоговая структура, словесное ударение.

Введение. Взаимодействие этносов, национальных культур и языков остается сложной и актуальной проблемой в лингвистике. Исследования в данной области имеют важное значение для изучения процессов обогащения словарного состава языков и выявления закономерностей их развития. Вопрос ассимиляции иноязычной лексики в языке-реципиенте, входящий в круг данной проблематики, явился предметом многочисленных исследований зарубежных и отечественных лингвистов (Э. Хаугена, В. Кэстнера, А. Кашневич-Мазур, Л.П. Крысина, В.М. Аристовой, А.Н. Булыко, Ж. Баганы, Е.В. Бондаренко, Е.В. Зарецкой и др.). Заимствованная лексика подвергается в результате включения в новую языковую систему различным по своему характеру и глубине фонетическим, грамматическим и семантическим изменениям. Выделение *просодического* уровня в освоении иноязычных лексем в заимствующем языке представляется направлением, требующим теоретического и практического освещения.

Основная часть. Фонетическая структура слова в речи представляет собой весьма сложное явление как в артикуляторном отношении, так и с точки зрения слухового восприятия: в ней проявляются в сложном взаимодействии все элементы фонетического строя языка. Заимствованные слова как компоненты новой системы обладают просодической организацией, отличной от структуры эквивалентов в языке-источнике. Они подвергаются в принимающем языке просодической ассимиляции, представляющей собой подчинение просодической структуры лексических единиц сверхсегментным закономерностям языка-реципиента [1]. Просодическая структура слова, описываемая традиционно в рамках высказывания в терминах акцентных контуров [2; 3], рассматривается нами, вслед за Т.В. Поплавской [4], с точки зрения ритмической организации слова. Ритмика слова является одной из составляющих речевого ритма как сложного процесса, объединяющего физический, физиологический, системный аспекты. Она представляет собой системную потенцию, вокабулярное свойство и определяется общими параметрами системы языка: морфологическим строем языка и акцентологическими тенденциями. При этом необходимым элементом фонетической структуры [5, с. 52] и важнейшей просодической характеристикой слова является ударение, объединяющее слоги и организующее ритмически слова в качестве артикуляторно-слуховой единицы (через соответствующие соотношения его слогов). *Целью* данного этапа исследования является анализ просодических изменений при ассимиляции белорусским языком немецких лексем и роли языков-посредников (польского и русского) в данном процессе. Материалом для проведения исследования послужили 1291 белорусских лексем немецкого происхождения, а также их немецкие, польские и русские эквиваленты, зафиксированные «Словарем иностранных слов» А.Н. Булыко [6], и «Этимологическим словарем белорусского языка» [7]. С целью выявления особенностей ритмической структуры немецких заимствований в белорусском языке были исследованы слоговой объем заимствованного слова, позиция ударения в слове, а также сочетание этих характеристик, обычно называемое акцентной структурой слова и описываемое дробью с количеством слогов в числителе и номером ударного слога в знаменателе, например, в двусложной лексеме *ва'к|са* с ударным первым слогом (2/1).

Исследования показывают, что в немецком языке в первой тысяче самых частотных слов наивысшей представленностью характеризуются двусложные единицы (48%); в следующих по частотности пяти тысячах слов двусложные структуры оказываются такими же частотными, как и трехсложные, а при увеличении выборки до 20000 слов самыми частотными оказываются трехсложные лексические единицы [8]. Сопоставление этих данных с частотностью отдельных слоговых структур в белорусском языке обнаруживает, что в обоих языках действует общая тенденция: чем меньше слоговой объем слова, тем выше его частотность. Так, в белорусской устной речи преобладают одно- и двусложные структуры, составляющие почти 60 % от общего числа словоформ. В художественной прозе к ним прибавляются трехсложные единицы, частотность которых достигает 35 %, и только в научных белорусских текстах и публицистике выявлено значительное увеличение доли четырех-, а для научной прозы и пятисложных слов [9, с. 144]. Преобладание дву- и трехсложных структур в языке является, по мнению Л.В. Златоустовой, универсалией для европейских языков [10, с. 56], и немецкий и белорусский языки обнаруживают данную универсалию. Так, среди немецких заимствований в белорусском языке зафиксировано количественное превосходство дву- и трехсложных лексем (табл. 1): *бу'ль|ба, га'н|лік, ка'ф|ля, танц|ма'й|стар*.

Таблица 1. – Типы структур по количеству слогов в заимствованных словах

Количество слогов в слове	Количество заимствований	%
двусложные	628	48,64
трехсложные	326	25,25
односложные	214	16,58
четырёхсложные	88	6,82
пятисложные	24	1,86
шестисложные	7	0,54
семи- и восьмисложные	4	0,31
Всего	1291	100

Белорусский язык имеет ряд специфических черт в акцентно-ритмической сфере, реализующихся на уровне слова. Так, обилие белорусских аффиксов сочетается с существенной протяженностью слова в целом и разноместным характером ударения: оно локализуется на любом слоге в слове, независимо от его семантики, происхождения, состава и частеречной принадлежности. С другой стороны, белорусское ударение часто выделяет слоги в составе флексий и суффиксов [11], ударение на префиксе в белорусском языке встречается редко, в отличие от немецкого языка, где морфологически связанное ударение частотно на префиксальных слогах. В полисиллабических немецких словах (состоящих из более чем одного слога) ударным является преимущественно начало слова [12, с. 98]. В белорусских многосложных словах словесное ударение тяготеет к концу слова [9, с. 144].

Разноместность белорусского ударения в словах различной морфологической структуры предопределила разнообразие акцентно-ритмических моделей заимствований (далее АРМ) (рис. 1). Так, за количественно доминирующей акцентной структурой 2/1 следуют одно-, дву- и трехсложные модели с ударением на предпоследнем и последнем слогах: 1/1 (*войт*), 2/2 (*цэйт/но'т*), 3/2 (*ва/ру'н/кі*) и 3/3 (*аб/цy/зі'*), частотность каждой из которых в среднем в 2–2,5 раза меньше доминанты.

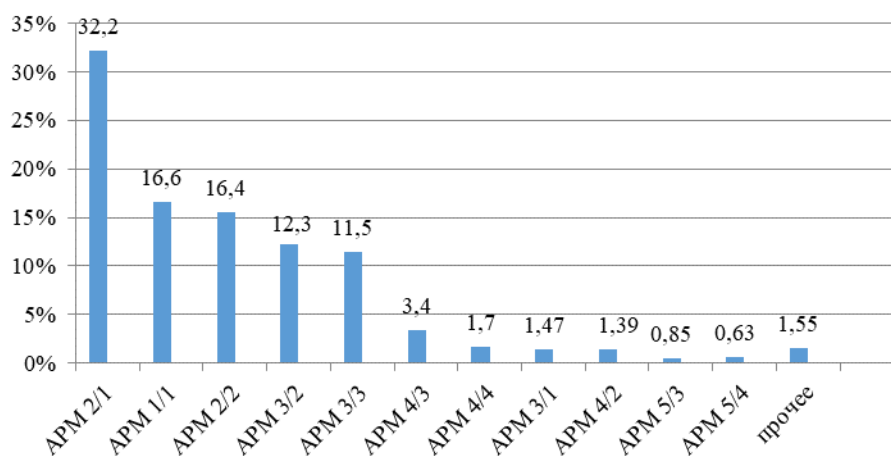

Рисунок 1. – Акцентно-ритмические модели немецких заимствованных слов в белорусском языке (в %)

Среди трехсложных слов отмечается больше структур с предпоследним выделенным слогом, например: *вал/то'р/на*. Низкую частотность, чуть более 5 % выборки, занимают четырехсложные структуры с ударным предпоследним или конечным слогами. Среди четырех- и пятисложных единиц преобладают слова с ударением на предпоследнем и третьем с конца слогах соответственно, например: *ба/лет/ма'й/стар*, *ми/не/зи'н/ге/ры*.

Сравнение количественного слогового состава немецких и белорусских лексем позволяет сделать вывод о тенденции к сохранению исходного количества слогов (в около 70 % примеров) независимо от слогового объема (рис. 2), например:

нем. *die Fuhre* – пол. *fura* – бел. *фура*

нем. *der Durchschlag* – пол. *druszlak* – бел. *друшылак*.

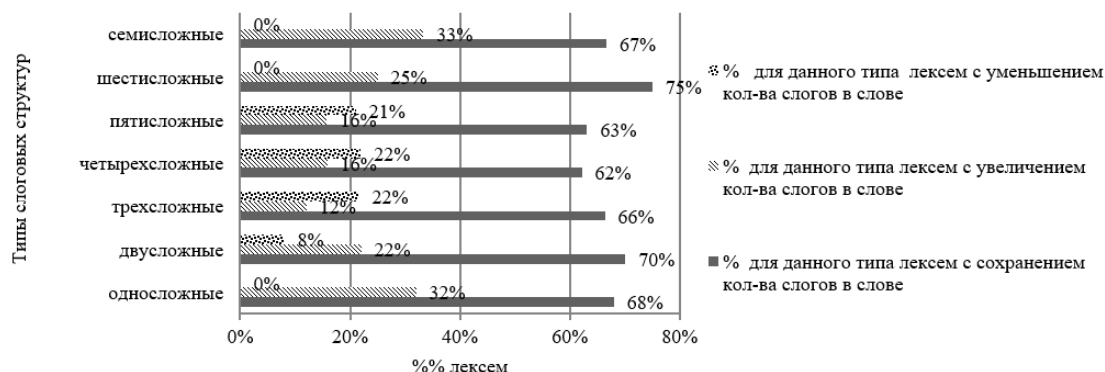

Рисунок 2. – Модификации слогового объема немецких лексем в белорусском языке

Слоговая реорганизация заимствованных лексем, как показывает материал, проявляется при их ассимиляции белорусским языком и языками-посредниками как в расширении, так и в сокращении слогового объема слова. В ходе исследования было установлено, что процесс увеличения количества слогов в языке-реципиенте зафиксирован в ≈20 % материала и встречается в 2 раза чаще, чем сокращение.

Очевидно, что процессу увеличения слогового объема, в отличие от уменьшения, подвержены все структурные модели. Примечательно, что в большей степени данное структурное преобразование затрагивает односложные лексемы с закрытым слогом. Возникновение дополнительных сегментов в белорусском языке в конечных абсолютно закрытых слогах в составе слов немецкого происхождения (наблюдаемое в 5 % выборки) является, на наш взгляд, результатом действия тенденции к открытым слогами в славянских языках, которая в свою очередь обусловлена тенденцией к восходящей звучности по Н. ван Вейку [13]: *der Turm* – $m^1u^3p^2m^2a^3$, где 1 – шумный, 2 – сонорный, 3 – гласный. Кроме того, большую роль играет типология слогов в исследуемых языках. Так, в немецком языке большинство слогов являются закрытыми (63%), 44% из них имеют структуру СГС [14, с. 231], в то время как в белорусском языке наиболее частотными являются открытые слоги, составляющие более 50 % от общего количества слогов [15]. Необходимо отметить, что в белорусском языке максимальное количество согласных в постпозиции к гласному не превышает трех (ГС, ГСС, ГССС, СГСС, ССГСС, СССГСС, ССССГС, ССГССС): *зумпф*, *муштр*.

Преобразование почти 20 % односложных прототипов в двусложные может иметь также причины, связанные с особенностями ритмической организации белорусского слова. Флективный характер белорусского языка, сложные синтетические формы, в которых за корнем слова следует 1–2 суффикса и флексия, в известной степени определяют характер ритма. Так, акцентно-ритмическая модель 1/1, т.е. односложные слова, является в белорусском языке менее распространенной, чем двусложные слова с ударным первым слогом:

нем. *der Schlag* – бел. *шля'-га* (2/1)

с.-в.-нем. *kram* – пол. *kram* – бел. *кра'-ма* (2/1).

Увеличение количества слогов в языке-реципиенте может мотивировать изменение отдельных грамматических характеристик, например, родовой идентификации немецких заимствованных имен существительных, поскольку их принадлежность к тому или иному роду определяется в белорусском языке в зависимости от характера основы и системы флексий, то есть постфиксальным оформлением слова:

нем. *das Blech* (ср.р.) – пол. *bla-cha* (ж.р.) – бел. *бля'-ха* (ж.р.).

Кроме того, в результате расширения слогового объема исходной формы эквивалентом для немецкого имени существительного единственного числа может стать в славянских языках лексема множественного числа: нем. *das Pfand* (ед.ч.) – пол. *fap-ty* (мн.ч.) – бел. *фáн-ты* (мн.ч.).

Результаты исследования указывают на *стабильность* позиции словесного акцента в односложных структурах при увеличении слогового объема в принимающих языках (88 %) в противовес двусложным единицам, в которых при расширении до трех- и четырехсложных моделей наблюдается *смещение* ударения в 95 % примеров, в конец белорусского слова:

с.-в.-нем. *gant* – пол. *gont* – бел. *гón-та*

нем. *die Post* – пол. *pośc-ta* – бел. *póш-та*

нем. *die 'Wah-rung* – пол. *wa-`ru-nek* – бел. *ва-ру'-нак, ва-ру'-н-кі*

с.-в.-нем. *'schi-cken* – пол. *szy-`ko-wać* – бел. *шы-ка-ва'ць*.

Для значительно небольшой части (8 %) анализируемой выборки характерно явление, обратное увеличению количества слогов слова, – их сокращение. Следует отметить, что из всех акцентно-ритмических моделей наиболее часто сокращению слогового объема подвергаются трех-, четырех- и пятисложные структуры (см. рис. 2). Уменьшение количества слогов в данных словах сопровождается в том числе значительными модификациями в области гласных и согласных, вызванными, по-видимому, утратой мотивированности частей композит. При этом сокращение количественного состава происходит уже в языках-посредниках:

нем. *die Laub-sä-ge* – рус. *лоб-зик* – бел. *лоб-зік*

нем. *die Ma-nö-ver-fla-sche* – пол. *ma-nier-ka* – бел. *ма-нер-ка*

с.-в.-нем. *mül-af-fe* – пол. *mał-ra* – бел. *мал-на*.

Материал исследования показывает, что объем двусложных лексем сократился в более чем половине случаев в результате выпадения конечного редуцированного [ə]. При этом лексема исходно женского рода приобретает твердый консонантный исход и идентифицируется в белорусском языке как имя существительное мужского рода, например:

нем. *die 'Klas-se* (ж.р.) – пол. *'klasa* (ж.р.) – бел. *клас* (м.р.)

нем. *die 'Pres-se* (ж.р.) – пол. *'prasa* (ж.р.) – бел. *прас* (м.р.)

нем. *die 'Sal-ve* (ж.р.) – рус. *заль* (м.р.) – бел. *заль* (м.р.).

На примере количественного изменения слогов при ассимиляции отчетливо проявляется взаимодействие нескольких языковых уровней (фонетического, лексического, морфологического). Активно взаимодействуют также сегментный и просодический уровни, поскольку изменения в слоговой структуре слова обусловлены явлениями сегментного плана, например, эпентезой или дизрезой. Кроме того, анализ модификации слоговой структуры немецких заимствований в белорусском языке позволяет проследить роль ритмического фактора в ассимиляционных процессах.

Модификация типа слогов в заимствованных лексемах представлена в основном (96 %) «открытием» и тесно связана наряду с тяготением славянских языков к открытым слогам, с реорганизацией сегментного уровня, т.е. фонемной структурой немецких гласных и согласных, оказавшихся в чужой для них славянской звуковой системе. Так, утрата немецкими гласными фонологической длительности ослабила силу отступа кратких гласных, силу притяжения согласного предыдущим гласным, в результате чего гласный не способен удерживать последующий согласный, и слог становится открытым практически без исключений уже в языках-посредниках:

нем. *die Rin-ne* – ст.-пол. *ry-na* – бел. *ры-на*

нем. *die Ni-sche* – рус. *ни-ша* – бел. *ні-ша*

нем. *die Ras-se* – пол. *ra-sa*, рус. *рас-са* – бел. *ра-са*.

Ослабление отступа, а также тенденция к открытию слога в славянских языках привели, на наш взгляд, к эпентезе – появлению в заимствованных словах разделительных гласных, «открывающих» слоги, в консонантных цепочках *nz/lz, nsch*:

нем. *der Tanz* – пол. *ta|niec* – бел. *та|нец*

нем. *der Glanz* – пол. *glanc, glans* – рус. *гля|нец* – бел. *гля|нец*

нем. *das Schmalz* – пол. *sma|lec, szma|lez* – бел. *шма|лец*

нем. *der Flansch* – бел. *фла|нец*.

Расщеплению подлежит также не типичный для конца польских, русских и белорусских слов комплекс *-ng/-nk-*. Данная модификация связана еще и с просодическим фактором – различием в позиции ударения в слове в исследуемых языках. Так, если в немецком языке ударение тяготеет к началу слова, то в белорусском для сохранения слогосчитающей тенденции предпочтительнее располагать ударение не в начале слова, а ближе к предпоследнему слогу, т.к. усиленная вторая половина должна компенсировать зачин [4, с. 17]. В польском языке ударение фиксировано на втором слоге от конца. Разноместное и подвижное русское ударение допускает в исконных словах локализацию акцента в пределах семи начальных и семи конечных слогов [1, с. 256]. Изучение позиции словесного ударения в заимствованиях русского языка выявило четкую тенденцию: в более 80 % проанализированных слов ударными оказываются последний и предпоследний слоги [там же], что имеет место и в отношении акцентологической ассимиляции немецких слов с конечным сегментом *-nk-*. Таким образом, словесное ударение смещается в дан-

ных лексемах уже в языках-посредниках, где заимствования приобретают элемент *-(u)nek-/-(a)нок-*, характерный для существительных мужского рода как в польском, так и в русском и белорусском языках:

нем. *die 'Rechnung* (ж.р.) – пол. *ra'chune**k*** (м.р.) – бел. *раху'на**k*** (м.р.)

нем. *die 'Rüstung* (ж.р.) – пол. *rynśz'tune**k*** (м.р.) – бел. *рышту'на**k*** (м.р.)

нем. *die 'Gattung* (ж.р.) – пол. *ga'tune**k*** (м.р.) – бел. *гату'на**k*** (м.р.)

нем. *die 'Raubank* (ж.р.) – рус. *руба'но**k*** (м.р.) – бел. *руба'на**k*** (м.р.).

Данные примеры дают возможность установить взаимообусловленность сегментных и просодических изменений.

Процесс открытия слога может восходить также к преобразованиям в морфемной структуре слова. Так, результатом исчезновения морфемной прозрачности в немецких сложных словах становится в некоторых случаях утрата гласными твердого приступа, маркирующего в композитах морфемную границу (в начале слов и морфем) [16]. Данная модификация ведет к перераспределению морфемных границ, а затем и слоговых в отдельных сложных словах, и к изменению типа слога, например:

нем. *der 'Kur-'*, *ort* – бел. *ку-ро'рт*.

Представляет интерес и обратное явление. Так, в 4 % случаев изменений типа слога зафиксировано его закрытие – процесс, в принципе противоречащий законам белорусской просодии. Данное преобразование проявляет себя в составе заимствованных слов, получивших в языках-посредниках суффиксы *-k/-к-*, *-ek/-ак-* и сохранивших их в белорусском языке, например:

нем. *die Spru-le* – пол. *szpul-**ka*** – бел. *шпуль-**ка***

с.-н.-нем. *ka-ve-le* – пол. *ka-wa-**lek*** – бел. *кавал**ак***

либо в случаях ошибочного переноса форм множественного числа немецкого слова на единственное в белорусском языке, например:

нем. *die Lo-cke* (ед.ч.) – нем. *die Lo-cke**n*** (мн.ч.) – бел. *ло-ка**n*** (ед.ч.).

Анализ позиции ударения в выборке выявил в более 1/3 слов смещение ударения в конец слова. При этом сопоставление акцентной структуры единиц, заимствованных белорусским языком, с их исходными немецкими эквивалентами демонстрирует, что для акцентуации заимствований большую роль играет их морфемная структура – наличие одного или нескольких корневых морфем: исходно сложные слова подвергаются смещению ударения чаще (в 22,6 % случаев от общего числа единиц), чем исходно однокорневые (14,5 %). Кроме того, небольшая группа, как правило, двусложных композит, не отличающихся высокой частотностью (менее 15 % от количества сложных слов) и являющихся как более ранними заимствованиями (*ра'тман*, 14 в.; *ва'хмістр*, 17 в.), так и более поздними (*ю'нгштурм*), сохраняет в зарегистрированных польских и русских коррелятах место главного ударения немецкого эквивалента:

с.-н.-нем. *rât,man* – бел. *ра'тман*

нем. *der 'Wacht,meister* – пол. *'wachtmistrz* – бел. *ва'хмістр*

нем. *der 'Jung,sturm* – бел. *ю'нгштурм*.

В польском языке ударение является фиксированным и падает на предпоследний слог слова, в связи с чем в заимствованных из немецкого языка лексемах ударение закономерно смещается на второй слог от конца как в исходно однокорневых, так и в исходно сложных словах, например: с.-в.-нем. *'buding* – пол. *bu'dynek*; нем. *die 'Heb,zange* – пол. *ob'cegi*. Примечательно, что в белорусском языке заимствованные через польский язык лексемы демонстрируют в большинстве случаев (72 %) вслед за польскими эквивалентами сохранение позиции словесного акцента (*bu'dynek* – *буды'нак*). Смещение ударения, практически без исключений к концу слова, зафиксировано соответственно в 28 % случаев, например, *ob'cegi*, *абиц'гі*; *'warsztat*, *варшта'т*, половину из которых составляют глаголы со славянскими суффиксами *-owa-/ава-*, например: с.-в.-нем. *'būden* – пол. *bu'dować* – бел. *будава'ць*.

Необходимо отметить, что около 1/4 от общего количества белорусских лексем немецкого происхождения представляют собой композиты, т. е. слова, состоящие из двух семантически значимых основ. Данные языковые единицы в большинстве случаев являются двухкомпонентными именами существительными с главным ударением на первом корне, при этом в славянских языках-реципиентах они теряют в первую очередь свою исходную двухакцентность и демонстрируют в 85 % случаев смещение словесного акцента с исходно главного на последующий корень основы в русском и белорусском языках. В результате утраты второстепенного ударения немецкого сложного слова, поддерживающего его семантическую структуру, выделяющего корневую морфему, в языках-посредниках и белорусском языке немецкие композиты не воспринимаются как сложные слова, т. е. слова, имеющие в своем составе не менее двух полнозначных основ, образующих структурно-семантическое единство, например:

нем. *'Perl,mutter* – рус. *перламу'тр* – бел. *перламу'тр*

нем. *das 'Mal,brett* – рус. *мольбе'рт* – бел. *мальбе'рт*

нем. *die 'Helle,barde* – пол. *hala'barda* – бел. *алеба'рда*.

Проведенный анализ выявил определенную тенденцию акцентуации в трех- и более сложных именах существительных, представленных как одно-, так и многокорневыми лексемами. В рамках данных единиц четко проявляется тяготение ударения к концу слова в белорусском языке, например:

нем. *die 'Brüder/schaft* – бел. *бру/дэр/ша'фм*

нем. *'Orts/kom/men/da\, tur* – бел. *ортс/ка/мен/да/ту'па*.

Таким образом, с увеличением длины слова ударение все реже сохраняет свою позицию и все меньше привязано к началу, т.е. чем длиннее слово, тем отчетливее доминирует акцентуация его финали. Как следствие, исходные трех- и более сложные структуры с ударением на первом слоге, характерные для немецкого языка, в белорусском языке практически никогда не сохраняются.

Результаты исследования показывают, что наибольший процент приближенности к акцентологическим нормам принимающего языка наблюдается в группе двусложных заимствований, наименьший – среди четырех- (и более) сложных слов. Таким образом, выявлена зависимость степени просодической ассимиляции заимствований от просодической структуры лексем: чем проще просодическая структура лексем, тем меньшей ассимиляции они подвержены.

Интерес представляет тот факт, что для большинства заимствованных суффиксальных имен существительных в белорусском языке характерно фиксированное ударение на суффиксальном слоге [11, с. 10]. Этот морфологический фактор определяет акцентную структуру производных лексем с заимствованными суффиксами, например: нем. *die Le'ckage* – бел. *лека'жэ*, нем. *der 'Brandma'jor* – бел. *брандмаэ'р*, нем. *der Offi'zier* – бел. *афіцэ'р*, нем. *das Wulfe'nit* – бел. *вультфені'м*, нем. *das 'Hornblen'dit* – бел. *горнбленды'м*, нем. *der Masa'chismus* – бел. *мазакі'зм*, нем. *der Maschi'nist* – бел. *машыні'ст* и др. Таким образом, осложнение основы немецких имен существительных суффиксами может мотивировать в белорусском языке смещение ударения на последующие суффиксальные слоги в ассимилированных формах.

Взаимодействие словообразовательных процессов и изменений просодического характера отразилось и при ассимиляции немецких глаголов. Так, смещение словесного ударения с начальной позиции на конечную с одновременным увеличением слога наблюдается практически во всех заимствованных из немецкого языка глаголах, получивших уже в польском языке славянский суффикс несовершенного вида *-owa-* и сохранивших его в белорусском языке (суффиксы *-ава/-ява-*). Фиксация ударения в польском языке на предпоследнем и в белорусском языке на последнем слоге обеспечила возможность фонетических изменений в безударных позициях, а в белорусском языке дополнительно – аканья:

нем. *'rauben* – пол. *ra'bować* – бел. *рабава́ць*

нем. *'kosten* – пол. *kosz'tować* – бел. *каштава́ць*.

Обобщение результатов анализа просодической ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке позволяет сделать следующие **выводы**:

1) одним из первых этапов вхождения иноязычной единицы в фонетическую систему языка-реципиента выступает просодическая ассимиляция. Важнейшими направлениями просодической ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке являются приспособление акцентной и слоговой структуры (типа и количества слогов) немецких слов к просодическим структурам белорусского языка. Данные изменения проявляют себя комплексно и взаимодействуют с сегментным и морфологическим уровнем. Количественно-качественные параметры слоговой структуры в составе заимствованных слов проходят частичную адаптацию в языках-посредниках – польском и русском;

2) модифицирующими факторами для изменений просодических характеристик заимствованных слов в языке-реципиенте выступают акцентологические тенденции, ритмические особенности сопоставляемых языков, словообразовательные процессы, а также специфика структуры слога и морфемная структура слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская, А.В. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1968. – 310 с.
2. Касевич, В.Б. Ударение и фонетическое слово в русском языке / В.Б. Касевич, Е.В. Ягунова // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. / отв. ред. Т.И. Ерофеева ; Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – Вып. 3. – С. 19–25.
3. Николаева, Т.М. Семантика акцентного выделения / Т.М. Николаева. – М. : УРСС. – 104 с.
4. Поплавская, Т.В. Сегментная фонетика и просодия устной речи / Т.В. Поплавская. – Минск: МГЛУ, 1993. – 160 с.
5. Метлюк, А.А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.А. Метлюк. – Минск : Выш. школа, 1986. – 112 с.
6. Булыка, А.М. Слоўнік іншамовных слоў : у 2 т. / А.М. Булыка. – Мінск, 1999.
7. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 13 т. / рэдкал. Г.А. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1978–2010.
8. Прокопова, Л.И. Структура слога в немецком языке (эксперимент.-фонет. иссл. на мат. нем. яз) : автореф. дис. ...докт. филол. наук : 10.02.19 / Л.И. Прокопова ; Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1973. – 35 с.

9. Выгонная, Л.Ц. Інтанацыя. Націск. Арфаэпія / Л.Ц. Выгонная ; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 215 с.
10. Златоустова, Л.В. Фонетические единицы русской речи / Л.В. Златоустова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 108 с.
11. Лобан, Н.П. Ударение имен существительных в белорусском литературном языке : автореф. дис....канд. филол. наук / Н.П. Лобан ; АН БССР, Ин-т языкознания. – Минск, 1953. – 15 с.
12. Норк, О.А. Фонетика современного немецкого языка. Нормативн. курс (для ин-тов и фак. иностр. яз.) : учеб. пособие / О.А. Норк, Н.Ф. Адамова. – М. : Высш. шк., 1976. – 336 с.
13. Вейк, Н. ван История старославянского языка / Н. ван Вейк ; пер. с нем.: В. В. Бородич ; под ред. и с предисл.: Н. А. Кондрашов. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 368 с.
14. Meinhold, G. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache / G. Meinhold, E. Stock. – 2., dg. Aufl. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1980. – 256 S.
15. Лекомцева, М.И. Типология структур слога в славянских языках / М.И. Лекомцева. – М. : Наука, 1968. – 222 с.
16. Зарецкая, Е.В. Интра- и экстралингвистическая обусловленность фонетической ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке / Е.В. Зарецкая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2004. – №4 (16). – С. 37–46.

Поступила 30.05.2017

MODIFICATIONS OF THE PROCODIC WORD STRUCTURE IN ASSIMILATION PROCESSES (ON THE MATERIAL OF GERMAN BORROWINGS IN THE BELARUSIAN LANGUAGE)

L. LAPIZKAJA

The article deals with the problem of prosodic assimilation of German borrowings in the Belarusian language. It's become evident that the main directions of the assimilation of German borrowings in the Belarusian language at the prosodic level are quantitative and qualitative changes in the syllabic structure, the change of syllable type (opening and closing of syllables) as well as the displacement of the word stress in the borrowed words. These processes are found in complex and interact with the segmental and morphological levels. The study demonstrated the connection between the mechanisms of prosodic assimilation and a number of linguistic factors: accentological trends, rhythmic features of the compared languages, word-formation processes as well as the specifics of the syllable structure and morphemic structure of words (word length in syllables, the number of roots and morphemes in the word, morphological transparency). The author comes to the idea, that minimal assimilation is attached to the borrowed lexemes with the least complicated prosodic organization.

Keywords: assimilation, loan word, rhythmic model, syllable structure, word stress.